

Ивану Ильичу исполнилось 90. Жена Марья умерла пять лет назад, и Иван один хозяйничал в небольшом домишке на краю деревни. Хозяйство было маленьким: несколько куриц да старый, но ещё задиристый петух. Была ещё банька, где Иван когда-то давно катал пимы для деревенских, зарабатывая себе и Марье на хлеб.

В последнее время его постоянно мучили сны и воспоминания. Почти каждую ночь снилась кукушка. Она висела в воздухе, хищно щерилась и очень на поминала ястребов, которых Ивану приходилось часто отстреливать из берданки, спасая своих цыплят. Кукушка иногда ухмылялась в рыжие усы, шевелила рогами, вырастающими у неё неизвестно откуда, и начинала зловеще куковать.

В детстве на покосе отец ему рассказывал о том, что кукушка – плохая птица, потому что она паразитка и подкладывает свои яйца в гнёзда других птиц. Однажды он нарочно подстрелил эту птичку, похожую на маленького ястреба. Отец говорил Ваньке, показывая на мёртвую тушку, что эта птица выкидывает чужие яйца и чужих птенцов из своих гнёзд. А ещё он говорил, что кукушка всегда врёт и не может накуковать будущее.

Для отца, церковного старосты и уважаемого в деревне мужика, самым страшным ругательством было слово «паразит», а любимой присказкой было выражение: «Надо знать сорт людей». В деревне были мужички некрепкого сорта, которых отец Ваньки считал паразитами. Они жили убого, много горлопанили, работать не хотели и часто пили. Летом, совсем обнищав и пропившись, они нанимались в батраки к добрым хозяевам, но потом опять нищали, дрались и скверно ругались.

Их ребятишки, ровесники Ваньки, вечно чумазые и вечно голодные, наверное, тоже были паразитами. Они воровали из деревенских дворов всё, что можно было утащить, тоже дрались и матерно ругались. Отец Ивана был добрым хозяином: построил большой крестцовый четырёхкомнатный дом с кухней, имел немало земли, мельницу, кузницу, пимокатню, жатку, сенокосилку, конные грабли, много домашнего скота и птицы.

Отец Илья, грамотный и набожный мужик, иногда рассказывал Ваньке, растолковывая Библию, что кроме Бога есть ещё дьявол. От него на земле все беды. Отец говорил, что дьявол всегда врёт, называя белое чёрным, а чёрное белым.

Ещё тятя говорил, что дьявол – это отец лжи. Ванька не мог представить дьявола, не мог понять, как можно быть отцом вранья, поэтому он решил, что кукушка – это какая-то родня того, кто всегда мешает богу.

Он возненавидел кукушку уже тогда, с детства. Не понимал, как можно убивать чужих птенцов, отдавать своих будущих детей в чужие гнёзда и не выращивать их, да ещё и врать в своих кукованиях.

Когда-то в далёкие тридцатые, в годы больших бед, ему начала сниться ненавистная птица. Днём он слышал её кукование, ночью видел сон. Почему-то кукушка была с рогами, как у дьявола на картинке. Тогда ему было немножко за тридцать. Он был молод, крепок, силён и не считал, сколько же ему осталось жить, по кукушкиным наветам.

Самая большая беда пришла в тридцать втором году. В городе и деревнях создавались какие-то исполнительные комитеты и комитеты бедноты, шли разговоры о колхозах и о том, что имущество всех будет общим. У Ивана было уже четверо детей, он повоевал в войну против германцев на Карпатах, стреляя из своей винтовки в воздух. Людей он убивать не мог. Немного контузило, притворился глухим и был отправлен домой. Он был таким же добрым хозяином, как и его отец. Вместе они работали на мельнице, в кузнице и пимокатне, сажали картошку и зерно, косили для скота сено. Иногда нанимали людей в помощь, когда надо было убрать срочно урожай. Нанятые обедали за одним столом с Иваном, хвалили хозяина, изредка просили выпивки.

Потом в деревню приехали люди в кожанках и, судя по обличию, не русские. Они много говорили про колхозы, про новую народную власть, про то, что скоро всё будет общее и народное: и земля, и домашний скот, и заводы, где люди будут работать. Иван этого не понимал. Он знал, что за чужой коровой или лошадьёю человек никогда не будет смотреть так же, как за своей. Он видел, что за этими, в кожанках, вились мужики, кто много горлопанил и в старые времена не очень-то хотел работать. Паразиты, одним словом. В деревне был создан сельский совет, куда и вошли те, кого он не очень любил.

В тридцать четвёртом Иван со своей большой семьёй по решению сельсовета был лишён избирательных прав (он не очень-то понимал, зачем они ему нужны), был признан кулаком и выселен из своей деревни, из своего дома. Ему прочитали бумагу, что он выселяется с семьёй за эксплуатацию батраков. Иван не понимал смысла незнакомого для себя слова «эксплуатация». Ему объяснили просто: на тебя каждое лето наши активисты батрачили, или забыл...

Активисты развернули в деревне бешеную работу, агитировали людей в колхоз, подыскивали избу под колхозную контору, вели учёт не своей домашней скотины.

На душе у Ивана было муторно. Он не понимал, почему его, который работал от зари и до темна, был первым кузнецом на все окрестные сёла, первым мельником и пимокатом для всей округи, вдруг стали величать кулаком и нерусским словом «эксплуататор».

Выселяли быстро, в какой-то непотребной спешке. Отобрали документы, стали забирать домашний скот, запасы зерна, скарб и добротную одежду. У жены Марьи перед погрузкой на подводы родная племянница, активистка, вырывала новую тёплую шаль и шипела: «Отдай, тётка Марья, всё равно погрёшь в дороге...». Убогий одноногий Федька, которого Иван и Марья всегда подкармливали, тыкал костылём в грудь: «Ну что, Иван Ильич, теперь и мы заживём, на всех ваших богатств хватит». Иван услышал, как один в кожанке, глядя на его справный дом, сказал: «Вот вам и колхозная контора». Ивана, Марью и четырёх детей погрузили на подводу и повезли на лошадях до Барнаула, до

пристани. Следом шли ещё подводы, на которых ехали такие же горемыки, признанные эксплуататорами. Дорога была недолгой, но мучительной. Мучительной от осознания какой-то дикой несправедливости и бессовестности тех, кто так поступил с ними. Иван в дороге шептал одну отцовскую фразу: «Надо знать сорт людей». Ему казалось, что виноваты те, которых отец считал паразитами, ленивые и завистливые, горлопаны и бездельники, получившие много власти.

Потом вдруг до боли в груди ему стало жалко свою мельницу, кузню, пимокатню... Ведь они там всё ломают, ведь ничего же не умеют. Или разворуют и пропьют. Эта мысль долго на него давила, пока он не увидел испуганные глаза детишек и тяжёлый взгляд Марьи, обращённый в сторону бескрайних полей.

На пристани их стали быстро, опять в непотребной спешке, выгружать из подвод и загонять на большую старую ржавую баржу-самоходку. С издёвкой сказали, что повезут осваивать Сибирь, в Томскую область.

Была середина мая. Днём ярко светило солнце, немного скрашивая тоску всех, кто плыл неведомо куда. Баржа не быстро двигалась по течению Оби, люди были угрюмы и неразговорчивы.

Ивана с Марьей и ребятишками заселили в трюм, разделённый на какие-то железные отсеки. Там было днём прохладно, но терпимо. Ночью было холодно, спасали старые рваные полушубки. Ими активисты побрезговали.

Самым весёлым на самоходке оказался младший сын Ивана Витька. Ему не исполнилось и трёх лет. Мир ему казался большим и интересным.

В свои неполные три он был очень разговорчивым и любознательным, носился по верхней палубе, беседуя со всеми, кто мягко на него поглядывал. Красивый черноглазый мальчишка с живым выражением лица. С ним даже конвойные шутили и называли его «Витька-титька». Всем он рассказывал, как катался на чёрном жеребце отца и ни разу с него не упал. Жеребец, правда, был гнедой, но Витька таких цветов ещё не знал. Да и отец-то ходил рядом с конём... Об этом Витька никому не рассказывал.

Старый знакомец Ивана, выгнанный из той же, что и Иван, деревни, дед с редкой фамилией Ракитный говорил Марье: «Ой, не к добру твой Витька веселится, не к добру...». Марья отмахивалась от Ракитного и с грустью смотрела на хохочущего Витьку. Витька заболел через неделю путешествия по мутно-серой Оби. Его беспрерывно рвало и открылся кровавый понос. Сказалась речная еда: одна вяленая рыба и вода из грязной, неприветливой Оби. Перед смертью Витька, всё ещё слабо улыбаясь, тоненьким голоском спрашивал отца: «Тятя, а когда мы поедем кататься на конях?...». Умер он к концу путешествия, без своей светлой улыбки и весёлого говорка.

Самоходка причалила к берегу, к месту, где шумела сибирская тайга. Не видно было человеческого жилья. Только на берегу стоял какой-то неказистый сруб и десятка два подвод с лошадьми. Между деревьев виднелось что-то похожее на дорогу. Марья беззвучно плакала и молилась, держа Витьку на руках.

Старший конвойный, который с некоторым уважением относился к Ивану за его спокойствие и выдержку, подошёл и глухо сказал: «Ты вот что, как загрузимся на подводы, беги вперёд по дороге, там много берёз, надери коры, будет твоему Витьке домовина. Бери топор, только не дури, пристрелим». Иван про-

бежал вперёд, на первой же большой берёзе надрал крепкой коры, в которую должно было уместиться маленькое Витькино тельце. Уже показался караван с подводами. Старший конвойный махнул Ивану рукой: беги вперёд, могилку выкопай. Иван опять побежал вперёд по ухабистой дороге, быстро топором вырубил ямку у дороги, положил рядом берёзовую кору и побежал, но уже к подводам. Отдал топор конвойному, в одну руку взял тельце сына, в другую дощечку из телеги, чтобы зарыть, опять побежал вперёд. Зарыть сына надо было быстро. Старшой его предупредил: караван останавливаться и ждать не будет... Иван сделал всё быстро, торопливо перекрестился и занял место у своей подводы. Марья заголосила, хотела бежать к Витькиной могилке, но была остановлена выкриком конвойного: «Стой, стрельну».

Караван шёл дальше, в неведомую страшную тайгу. Куковала ненавистная душе Ивана кукушка.

Куковала долго, назойливо, противно. Всё дальнейшее Иван вспоминал редко и как-то неохотно.

Высадили в сибирской тайге. Вокруг топкие вонючие болота. От комаров спасались дымом костра. По ночам приходили медведи, но огня боялись и людей не трогали. Каждая семья получила по одной пиле-двухручке и по одному топору на мужика. Начали корчевать тайгу, пилить и рубить лес для постройки изб и землянок. Денег в обиходе не было. На свободных от тайги местах посадили картошку, семена дали в соседней деревне раскулаченных годом раньше в обмен на тряпки (платки, юбки), которые активисты отобрать постеснялись. К осени картошка выросла размером с голубиное яйцо. Ели крапиву, коренья, лебеду, многих спасала таёжная ягода и мелкая рыбёшка из таёжной речки. Слабые зимой начали умирать от голода, холода и болезней, от которых лечить было некому.

Ивану, Марье и оставшимся трём детям удалось выжить. В деревне, построенной в глухой тайге их руками, создали колхоз «Новая жизнь».

Жизнь действительно была новая: без бога, надежд и без веры в будущее. Иван перестал быть хозяином. Он работал в кузнице, ковал железную утварь для колхозных нужд, обувал в подковы лошадей, по вечерам катал в своей баньке пимы для деревенских. За пимы ему везли и приносили продукты, одежду, посуду для хозяйства. Постепенно они с Марьей обжились: появилась своя корова, три овечки, два поросёнка, куры... Марья работала телятницей в колхозе, вставала в четыре часа утра и, накормив вместе с Иваном скотину, шла обихаживать коровок. Дети росли.

В сорок первом грянула ещё одна война с германцами. Теперь Ивану пришлось катать пимы для солдат, катать бесплатно, по разнарядке. Правда, овечью шерсть и кислоту для такой работы давали в колхозе. Первый иванов сын Толька ушёл на войну, воевал шофёром, подвозил снаряды на своей полуторке к переднему краю. Две дочери, ещё подростки, работали по двенадцать часов в день в колхозе. Опять, как в тридцатые, стало голодно. Скотину пришлось забить, чтобы прокормиться. Всех молодых мужиков и лошадей забрали на войну.

Война в жизни Ивана и Марьи промелькнула быстро, было некогда о чём-то думать. Из почти сотни мужиков с войны вернулось семеро. Сын Толька

вернулся живой и без единой царапины. Остальные были поранены, покалечены или контужены. Дочери повзрослели и вышли замуж.

В сорок восьмом Ивана и Марью сняли с учёта как специальных переселенцев, но паспорта не дали. Пока они этого не заслужили. Крепостная раскулаченная деревня продолжала как-то жить. В шестидесятые дали паспорта, можно было выехать за пределы района, где раньше руководила специальная комендатура. Но ехать было некуда, да и не на что.

Большевики, которых теперь называли коммунистами, продолжали руководить. Кузница в деревне закрылась, пимы стали делать на фабричном комбинате, лошадей почти не осталось, и Иван устроился работать сторожем на тракторную базу. Людям коммунисты разрешили держать в хозяйстве по корове и свинье, овец и домашнюю птицу. Голода не стало. Но людей не того сорта, как говаривал отец Ивана, становилось в деревне всё больше. Из больших городов стали присылать тунеядцев (так называли тех, которые не хотели работать). Потом стали под конвоем привозить зеков, которым кроме тюрьмы полагалась ссылка. Люди стали пить, драться и воровать друг у друга, желание работать пропало. Колхозные поля зарастали бурьяном. Хозяина на земле не стало. Коммунисты продолжали чёрное называть белым и докладывать таким же наверх об успехах.

В душе Ивана не утихла едкая липучая тоска и обида. Обида на тех, кто умел только отнимать и делить чужое, не заработанное самим, кому пришла в голову мысль всё сделать общим и заставить людей работать за гроши. Церкви в деревне была не положена, и успокоить душу было негде.

Спасали от тоски внуки, которых народилось семеро, и вера в бога, который жил у Ивана в двух небольших иконах в переднем углу маленькой избы. Марья в годы смуты сумела эти иконы спрятать в старом сундучке с тряпками и довести их до сибирской тайги.

Когда Марьи не стало, дед Иван, выпив гранёный стаканчик самогонки, любил беседовать с иконками и рассказывать им о своей жизни. Он богу не жаловался, так его научил в детстве отец, он ему говорил о своей тоске и о том, какой бывает сорт людей.

Иван так никогда и не узнал о том, что через несколько лет после смерти его назовут жертвой политических репрессий и признают реабилитированным. Его и его семью. Денег от порушенного имущества троим его уже старым детям хватило на три холодильника и три бутылки казённой водки, больших, литровых. Сын Толька, выпив казёнки, глухо сказал своим поседевшим сёстрам: «С паршивой овцы хоть шерсти клок» и выматерился в бога. Он в бога не верил, отучили.

Умер Иван на Пасху, в светлое Христово Воскресение. В такие светлые дни умирают праведники. Кукушкины дети благоденствовали, не пахали, не сеяли, не строили. Руководили...